

УДК 330.812.3(47)

ББК 65.02(2)51

DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(1\).51-65](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(1).51-65)**М. Г. Покидченко***Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация*

ИВАН ТИХОНОВИЧ ПОСОШКОВ — САМОБЫТНЫЙ РОССИЙСКИЙ КАМЕРАЛИСТ

Аннотация. В статье делается попытка определить место И. Т. Посошкова в истории российской экономической науки. Путем сравнительного анализа показано, что «Книга о скудости и богатстве» Посошкова наиболее близка сочинениям западных и российских камералистов.

Ключевые слова. История экономической мысли, камерализм, меркантилизм.

M. G. Pokidchenko*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation*

I. T. POSOSHKOV — THE ORIGINAL RUSSIAN KAMERALIST

Abstract. The article attempts to define the place of I. T. Pososhkov in the history of Russian economics. The author with the help of comparative analysis shows that Pososhkov's «Book on Poverty and Wealth» is very close to the works of Western and Russian kameralists.

Keywords. History of economics, kameralism, mercantilism.

Имя Ивана Тихоновича Посошкова занимает важное место в истории российской экономической мысли. В то же время попытки определить его принадлежность к какой-либо теоретической школе вызывают,

особенно последнее время, оживленные дискуссии. Долгое время Посошкова в отечественной историко-экономической литературе относили к меркантилистам, как и всех экономистов периода зарождения капитализма. С конца XX в. попытки определения места Посошкова стали разнообразнее. Это было связано с тем, что, во-первых, стало не обязательно следовать Марксу, который также, вслед за классической политэкономией, относил всех экономистов периода «первоначального накопления капитала» к меркантилистам; и, во-вторых, не всё в работе Посошкова соответствовало общепризнанной концепции меркантилизма, которую можно несколько упрощенно свести к четырем тезисам: 1) богатством страны являются деньги (драгоценные металлы), 2) источником богатства страны является внешняя торговля, 3) увеличение богатства страны происходит при активном внешнеторговом балансе (превышении экспорта над импортом), 4) активный внешнеторговый баланс создается с помощью государственной политики протекционизма (чем отличается от этого концепция Посошкова будет показано ниже).

Поэтому Л. И. Абалкин объявил Посошкова предшественником классической политэкономии, Д. Н. Платонов и С. Г. Кирдина утверждали, что Посошков – предшественник институционализма и т. д. Еще одним аспектом определения творческого наследия Посошкова является попытка записать его в «славянофилы», представители которых в последнее время в нашей стране весьма размножились. Следует сказать, что все эти идеи возникли не на пустом месте, хотя и не соответствуют действительности. Попытаемся разобраться с ними поэтапно.

Начнем с меркантилизма. — А существовал ли меркантилизм как реальная экономическая доктрина? Этот вопрос поставил в своей «Истории экономического анализа» Й. Шумпетер и ответил на него отрица-

тельно (и я присоединяюсь к его мнению). — Шумпетер утверждал, что «меркантилистов» изобрел А. Смит для противопоставления своей теории и для более четкого ее формулирования методом «от противного» — у «меркантилистов» первична сфера обращения, у Смита и последующих «классиков» — сфера производства; у «меркантилистов» богатством является «золото», у «классиков» — «простой продукт»; у «меркантилистов» требуется государственное регулирование экономики, у «классиков» — «экономический либерализм» и т. д. «Данная традиция была установлена Смитом, — писал Шумпетер, — знаменитое наступление которого на то, что он называл... “коммерческой, или меркантилистской системой”... сосредоточилось на аргументации, касающейся торгового баланса, хотя он не оставил без внимания и другие аспекты» [3, с. 440]. За ним последовали и другие «классики». «Для них, с одной стороны, существует тьма «меркантилистских» заблуждений, а с другой — вечный свет «либерализма» [3, с. 485].

В действительности же, по мнению Шумпетера, так называемые «меркантилисты» занимались, во-первых, более широким кругом вопросов, чем сформулированная выше «концепция меркантилизма». «Книга Мана обычно рассматривается как классический пример английского «меркантилизма», — писал Шумпетер, — но «...в широких рамках книги автор... рассматривает самые разные вопросы — от рыбного промысла до эмбарго на вывоз золота; связующей нитью повествования является то, что... мы можем назвать заботой о “создании производительной силы”» [3, с. 467–478]. Во-вторых, «насколько мне известно, — писал Шумпетер, — у “меркантилистов” нельзя найти утверждений..., которые невозможно было бы объяснить без помощи допущения, что богатство тождественно деньгам, слиткам или “сокровищам”». В то же время Шумпетер согласен с тем, что “меркантилисты” считали

необходимость государственного регулирования чем-то само собой разумеющимся» [3, с. 474] и, более того, выступали за захватническую политику национального государства. «В частности в Англии лондонский Сити, откуда происходило большинство ведущих авторов, был опорой агрессивной внешней политики, которая... идеально отвечала интересам бизнеса... Разумеется, это не всегда явно утверждалось. Империалистические мотивы редко высказываются прямо. Они скрываются за заботами авторов о богатстве короля...» [3, с. 454]. Таким образом, согласно Шумпетеру, так называемая «концепция меркантилизма» была искусственно выделена родоначальниками классической политэкономии из более широкого круга проблем, рассматриваемых в сочинениях европейских авторов XV–XVIII вв.

Кто же, по мнению Шумпетера, эти авторы? Их «сочинения не представляют собой единого логического или исторического целого. В отличие от философов естественного права их авторы не образуют однородной группы. Однако их объединяет нечто общее... все они обсуждали текущие проблемы экономической политики, и проблемы эти были связаны со становлением национальных государств» [3, с. 182].

С XV в. в некоторых странах Европы заканчивается период феодальной раздробленности, усиливается власть короля, подчиняющего себе своевольную аристократию, и постепенно возникают централизованные государства в виде абсолютных монархий, в рамках которых формируются европейские нации. В определенной степени короли в своей борьбе с феодалами опирались на зарождающуюся буржуазию, прежде всего на крупнейших ее представителей (как мы говорим сейчас – «олигархов»). Короли получали у них деньги на создание наемной армии, альтернативной дворянскому ополчению, а «олигархи» получали у королей монопольные привиле-

гии, политику протекционизма и новые территории для торговли.

В этих национальных государствах «правительства, хронически страдая политическими амбициями, превышающими их экономические возможности, пытались развивать ресурсы своих... владений и ставить их себе на службу» [3, с. 186]. «...[У]правлять приходилось всем, чем угодно, а это, в свою очередь, вело к возникновению современной бюрократии. Последний факт не менее важен, чем возникновение класса буржуазии. В результате сложилось плановая экономика, обслуживающая прежде всего военные интересы государства» [3, с. 187]. (Заметим, чтобы не было терминологической путаницы, «плановую экономику» стоит заменить на «регулируемую государством»). Таким образом, авторами сочинений об «экономической политике», написанных в XV–XVIII вв., были в основном представители этих двух социальных слоев — бюрократии и буржуазии.

Шумпетер называет их соответственно — «консультанты-администраторы» и «памфлетисты». (Правда следует уточнить, что последние были характерны в основном для Англии, так как их целью была публикация сочинений для воздействия на общественное мнение и парламент. В других странах Европы общественное мнение и парламентаризм были еще в зачаточном состоянии, а в России «народ безмолвствовал» и все сочинения подобного рода, в частности и от представителя нарождающейся буржуазии Посошкова, адресовались только одному читателю — царю-батюшке). В других странах, как отмечает Шумпетер, «консультанты-администраторы» имели другие названия — в Испании «*políticos*», в германских государствах «камералисты» (от слова *Kammer* — палата, т. е. государственный орган) и т. д. В связи с тем, что российская экономическая наука исторически имела наиболее тесные связи с наукой Германии, я буду употреблять в

дальнейшем термин «камерализм» как общий для всех стран Европы, включая Россию.

Шумпетер рассматривает большое количество сочинений камералистов разных стран (Италии, Испании, Германии, Франции, Англии). Знаковыми фигурами в начале и в конце периода европейского камерализма в экономической науке были, по его мнению, итальянец Д. Карафа («О верховной власти и хорошем правителе», 70-е годы XV в.) и немец И. Юсти («Основы могущества и благосостояния государств», в 2 т., 1760–1761 гг.).

Сочинение Карафы «занимает выдающееся место в истории экономического анализа — хотя бы в силу предпринятой автором систематизации материала. Первая часть его книги трактует общие политические и военные вопросы..., вторая — отправление правосудия. Третья представляет собой маленький трактат о государственных финансах... Последняя, четвертая, содержит взгляды Карафы на собственно экономическую политику». «Он мечтал о сбалансированном бюджете, располагающим большими средствами, которые можно направлять на повышение всеобщего благосостояния. Он хотел избежать необходимости брать вынужденные займы..., выступал за строго определенные, справедливые и умеренные налоги, которые не приводили бы к бегству из страны капитала и не угнетали бы труд — источник богатства, по его мнению, умалчивая о бизнесе, — хотя и добавлял, что промышленность, сельское хозяйство и торговлю надо поощрять займами и другими средствами» [3, с. 207].

«Темой исследования Юсти было то, что немецкие историки называют “государством благосостояния” (Wohlfahrtsstaat) во всех своих аспектах и исторической конкретности. Это означает, что он трактовал экономические проблемы с точки зрения правительства, принимающего на себя ответственность за экономические и моральные условия жизни своих

граждан..., в особенности за всеобщую занятость, обеспечение каждому средств к существованию, усовершенствование методов и организации производства, достаточные поставки сырья и продовольствия... Сельское хозяйство, промышленность, торговля, денежное обращение, банки — все рассматривается с этой точки зрения, причем много внимания уделяется технологическим и организационным аспектам» [3, с. 218]. «Второй том в духе тогдашней науки об управлении содержит рассуждения о религии, науке, домоводстве, гражданских добродетелях, пожарной охране, страховании..., правилах ношения одежды и т. д.» [3, с. 217–218].

Таким образом, в сочинениях камералистов затрагивался широкий круг проблем, причем не только экономического характера, которые, по их мнению, должны решаться государством в целях повышения национального благосостояния. В их сочинениях уже различаются интерес государства (нации), интерес частного лица и интерес короля (пополнение казны). Томас Ман различал «пользу трех видов: во-первых, пользу государства, которая существует даже тогда, когда купец... теряет. Во-вторых, прибыль самого купца..., хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство и купец теряют» [1, с. 166]. При этом, по мнению камералистов, интерес нации выше интереса личности, поэтому государственное регулирование нужно прежде всего для ограничения прав личности в интересах нации. Другой английский автор, Самуэль Фортрей, писал, что «частные интересы часто являются помехой общественной пользе..., а так как в обычной жизни интерес управляет людскими поступками в большей мере, чем разум, то понятно, насколько необходимо, чтобы общественное благо находилось в руках единой силы, интерес которой заключается только в благе всех» [1, с. 188].

В то же время камералисты еще не создали экономической теории. «...в их произведениях не содержится особых аналитических достоинств, — писал Шумпетер. — Их аргументы, верные или ошибочные, в большинстве случаев были продиктованы требованиями здравого смысла» [3, с. 462].

Обратимся теперь к России. Здесь на рубеже XV–XVI вв. сформировалось централизованное Московское государство и скоро стали появляться камералистские сочинения, к которым я отношу и «Книгу о скудости и богатстве» Посошкова (1724). Из работ его предшественников следует выделить сочинение Ермаля-Еразма «Блага хотящим царям. Правительница и землемерие» (рубеж 40–50-х гг. XVI в.) и сочинение долго находившегося на русской службе хорвата Юрия Крижанича «Политичны думы» (1663–1666). Кроме того, надо отметить, что в петровскую эпоху историки выделяют целую «литературу проектов», в которых предлагались большие и малые реформы. Сюда относятся и более ранние сочинения самого Посошкова, и «проекты» других авторов из разных слоев общества — от крепостных до заводчиков, представителей церкви и дворян (А. Курбатова, А. Нестерова, И. Филиппова, Маркелова, Д. Воронова, Ф. Прокоповича, Ф. Салтыкова и др.). Последующие годы XVIII в. активность авторов «проектов» снизилась и следующий подъем такого рода сочинений связан с организацией Уложенной комиссии при Екатерине II. Таким образом, итоговая книга Посошкова не являлась чем-то уникальным среди российской камералистской литературы XVI–XVIII вв., хотя и отличалась «здравым смыслом» и комплексным подходом, сопоставимым с западными образцами, о которых говорилось выше.

В девяти главах «Книги о скудости и богатстве» рассматривается широкий круг проблем, которые, по мнению Посошкова, должно контролировать и регулировать государство. Сам Посошков именует эти

девять глав «троекратным троекратием» и расширяет их содержание следующим образом: «...первое троекратие о несправе и поправе духовенства, воинства и правосудия; второе троекратие о несправе и поправе купечества, художества (ремесла. — М. П.) и разбойников с беглецами; третье троекратие о несправе и поправе яко во крестьянех, тако и во владении земли безобидном по собрании царского интереса многогобзовитого» [2, с. 7–8]. Содержание книги Посошкова в целом совпадает с содержанием сочинений западных камералистов, от Карафы до Юсти¹, хотя он не был знаком с зарубежной камералистской литературой. Причиной сходства была единая логика развития централизованных государств на этом этапе европейской истории.

Что же касается «меркантилизма», то в «Книге о скудости и богатстве», также как и в сочинениях западных камералистов, есть элементы того, из чего составили «коммерческую или меркантилистскую систему» Смит и его последователи. Как многие другие зарубежные и российские камералисты Посошков выступал за развитие отечественного производства и стимулирование экспорта. А когда производство отечественного товара «завететца и размножитца, то те все денги, кои за него ныне за море идут, все отстанутца у нас в Руси, а если за море будем отпускать, то будет денги и к нам от них возвращатися» [2, с. 136]. Также он предлагал проведение политики протекционизма, что и на практике осуществлялось в петровскую эпоху. По поводу

¹ Совпадение касается даже таких странных, на наш взгляд, требований, как правила ношения одежды, которые присутствуют как у Юсти и других западных камералистов, так и у Посошкова, который писал: «...не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое определение имех, посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне никоими делы не мочно по платью познать, кто какого чина есть, посадской ли или приказной или дворянин или холоп чей» [2, с. 128].

поведения иностранных купцов в России Посошков писал: «Время было уже им прежняя своя гордость и отложить, плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческие дела не вступали... А ныне, слава богу, монарх вся сия рассмотрил и подлесть им уже некак, еже бы им по прежнему своему хотению установить и на своем поставить» [2, с. 123]. (Справедливости ради следует отметить, что политика протекционизма началась в России еще при Алексее Михайловиче, когда в 1667 г. был введен Новоторговый устав, автором которого был А. Л. Ордин-Нащокин). Кроме того, в духе раннего меркантилизма Посошков требовал максимально сократить покупку иностранных товаров: «А самого ради лучшего царственного пополнения (богатства. — М. П.) надлежит... заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробывать немочно. А иные их немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы напрасно на Руси богатство не тощили» [2, с. 137].

Кстати, может быть поэтому же Посошкова в свои ряды записывают и «славянофилы», поскольку он по поводу иностранцев писал, что «на их мягкие и льстивые басни и на всякие их хвасти нам смотреть не для чего» [2, с. 137]. Но в то же время Посошков хвалил иностранные порядки в области организации ремесла и предлагал приглашать в Россию иностранных специалистов и перенимать заграничный опыт: «И надлежит его императорскому величеству призвать к себе иностранцев, кои ему, великому государю радетелны являются, от военных и от мастеровых, наипаче ж от дохтуров и аптекарей, кои выежжие, то они о многих вещах знают, а не худо и купецких спросить, кои за морем бывали» [2, с. 149]. Между прочим, восприятие положительного заграничного опыта началось у Посошкова с детства, поскольку село Рубцово, где он родился и прожил до совершеннолетия, находилось бок о бок с

Немецкой слободой. Поэтому я бы Посошкова однозначно в «славянофилы» не записывал. (О некоторых чертах сходства и различия идей Посошкова и славянофилов будет еще сказано ниже).

Что же касается «концепции меркантилизма» а-ля Смит, то у Посошкова, как и у других камералистов, с ней есть не только сходство, но и различия. Во-первых, у него нет приоритета внешней торговли. Не меньше, а то и больше внимания он уделял внутренней торговле, ремеслу и сельскому хозяйству, не говоря уже о других, неэкономических сферах общественной жизни. (С другой стороны, то, что Посошков уделял определенное внимание сфере производства, не делает его представителем классической политэкономии. Проблемами производства занимались все камералисты).

Во-вторых, Посошков, отличаясь в данном случае от западных авторов, выступает как сторонник номиналистической теории денег, что является, по моему мнению, пережитком средневековых взглядов на деньги. «Мы не иноземцы, — писал он, — не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней» [2, с. 238]. «У нас толь силю его пресветлаго величества слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно» [2, с. 239]. Противоположный взгляд на деньги мы видим у Т. Мана: «...не названия наших фунтов, шиллингов и пенсов принимается во внимание, но истинная ценность нашей монеты» [1, с. 168].

И наконец, о понятии «богатство». Посошков считает богатством страны не только драгоценные металлы, но также природные богатства страны, материальное имущество государства и частных лиц и справедливый порядок в обществе. «Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие

казны много, ...но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами... Паче вещественного богатства надлежит всем нам обще пеющихся о невестественном богатстве, то есть о истинной правде» [2, с. 13–14].

Следует отметить еще одну интересную проблему. Посошков, также как и Ман, различает интерес частного лица, интерес нации и интерес государя, но если Ман противопоставляет эти три «интереса» (см. выше), то Посошков противопоставляет интерес отдельного частного лица интересам других лиц («друг друга обманывают» [2, с. 118]), но интересы нации и государя считает солидарными и надеется сделать солидарными с ними и интересы отдельных людей. «И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы вси друг другу помогали» [2, с. 138]. В результате он ожидает, что, следуя его рекомендациям, «вся наша великая Россия обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнятца, но и все жителіе российсти обоготятца и прославятся» [2, с. 243].

Эта идея сближает Посошкова со славянофилами, с их концепцией «соборности», в соответствии с которой все общество должно существовать как единый хор, где у каждого человека своя вокальная партия, а в роли дирижера выступает царь. Другая идея славянофилов формулировалась следующим образом: народу – силу слова, царю – силу власти, то есть люди могут только высказывать свои пожелания, писать царю челобитные, что собственно и делает Посошков, направляя царю свою «Книгу о скудости и богатстве», а царь принимает решение. У Посошкова, правда, уже был негативный опыт подобного рода отношений, когда он в молодости посещал кружок «мыслителей» из разных сословий, собиравшихся в московском Андреевском монастыре у игумена Авраамия. Свои

мысли, в том числе и критические, кружок Авраамия оформил на бумаге и отправил ее, как водится, царю, за что старшие члены кружка были биты и сосланы, а Посошков, как фигура незначительная, «отделался легким испугом». Тем не менее, альтернативы такому порядку он не видит.

В то же время Посошков, забывая иногда о своей глобальной идее всеобщей регламентации и подчинения всех людей государственной власти, дает изредка в «Книге о скудости и богатстве» рекомендации о развитии частной инициативы. Например, крестьянам он советует, «буде при дворе своем никакой работы... нет, то шол бы в такие места, где из найму люди работают, дабы даром времени своего не теряли, и тако творя, никакой крестьянин не оскудеет» [2, с. 168]. Также, разбирая ситуацию с крестьянами, которых пригоняли на трехмесячный срок на строительство Петербурга, Посошков предлагает «новопришедшим работникам... объявить...: «Аще толикое число зделаете, хотя в один месяц, то отпущены с трехмесячные работы будете» [2, с. 206]. Таким образом, в этом вопросе, как и в других, у Посошкова высказывания с позиций общей концепции «соборности» и с позиций здравого смысла нередко противоречат друг другу. Посошков больше практик, чем теоретик.

Остается разобрать утверждение, что Посошков был предшественником институционализма. Как и все камералисты, он занимался прежде всего государственным регулированием экономики, а также таких сфер общественной жизни как церковь, армия и система правосудия. Во всех этих сферах Посошков предлагал, как все камералисты, совершенствовать законодательство. Таким образом, можно сказать, что камералисты занимались совершенствованием современных им институтов. Но следует ли объявлять камералистов институционалистами? Между ними существует много отличий. Конечно, отдельные идеи ранних теорети-

ков зачастую использовали более поздние теоретики, адаптируя их для решения проблем своего времени. Это нормальная практика в истории науки. Например, Кейнс указывал на меркантилистов в числе своих предшественников. Речь шла об идее государственного регулирования экономики. Но то, что предлагал Кейнс в области государственного регулирования экономики, существенно отличается от государственного регулирования, предлагаемого в сочинениях меркантилистов (камералистов). И нельзя называть меркантилистов (камералистов) ни кейнсианцами, ни институционалистами.

Таким образом, по моему мнению, Посошкова достаточно определенно можно отнести к представителям камерализма. У него много общего как с западными, то и с отечественными камералистами XV–XVIII вв. В то же время его «Книга о скудости и богатстве» достаточно интересна и оригинальна в ряду других камералистских сочинений как России, так и Запада, тем более, что Посошков скорее всего не был знаком с этими сочинениями.

Список использованной литературы

1. Меркантилизм / под ред. И. С. Плотникова. — Л. : Соцэкгиз, 1935. — 339 с. — (История экономической мысли).
2. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И. Т. Посошков ; ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. — Репр. воспроизведение изд. 1951 г. — СПб : Наука, 2004. — 406, [1] с. — (Литературные памятники).
3. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. / Й. А. Шумпетер ; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. — СПб. : Экономическая школа. — Т. 1. — LVI, 494 с.

Информация об авторе

Покидченко Михаил Георгиевич — доктор экономических наук, профессор, кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ле-

нинские горы, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет, e-mail: pokidchenko@yandex.ru.

Author

Pokidchenko Michail Georgievich — D.Sc. in Economics, Professor, Chair of History of National Economy and Economic Thought, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: pokidchenko@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Покидченко М. Г. Иван Тихонович Посошков — самобытный российский камералист / М. Г. Покидченко // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 1. — С. 51–65. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(1).51-65.

Reference to article

Pokidchenko M. G. I. T. Pososhkov — the original Russian kameralist. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 51–65. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(1).51-65. (In Russian).